

Императоръ Николай I и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1830—1831 г.

(Изъ переписки Николая I и Цесаревича Константина Павловича съ
14 января 1830 г. по 15 июня 1831 года) ¹⁾.

Въ тотъ день, когда русскія войска вступили въ предѣлы Царства Польскаго, Императоръ Николай Павловичъ сообщалъ Цесаревичу, что по свѣдѣнiямъ, полученнымъ изъ Берлина, гдѣ перлюстровывались письма, приходившія изъ Варшавы, поляки упали духомъ.

„Императоръ австрійскій прислалъ мнѣ письмо князя Адама къ его брату Константину, привезенное нѣкіемъ Рачинскимъ“, писалъ Государь ²⁾; въ этомъ письмѣ князь Адамъ проситъ его умолить Императора замолвить слово за Польшу, *да не такого нашеля*; въ отвѣтъ на это Императоръ велѣлъ передать ему экземпляръ воззванiя къ полякамъ, приказавъ сказать „что онъ ничего лучшаго не можетъ посовѣтовать ему, какъ исполнить возможно скорѣе то, что въ немъ повелѣвается“.

Особенное значеніе Императоръ придавалъ извѣстію о доносѣ подполковника Добрянскаго, вслѣдствіе котораго были арестованы и допрошены: Лелевель, Островскій и Брониковскій.

„Это первый шагъ, писалъ Николай, подождемъ дальнѣйшихъ; пусть они раздерутся и попросятъ, какъ милости, чтобы мы пришли и покончили эту трагедію“.

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1911 г.

²⁾ Письмо отъ 13/25 января 1831 г.

Какъ бы въ подтвержденіе извѣстій, дошедшихъ въ Петербургъ изъ-за границы, Цесаревичъ писалъ одновременно брату, со словъ плѣнныхъ поляковъ, что въ Варшавѣ начались раздоры, что землевладельцы и крестьяне не принимали никакого участія въ возстаніи, что ими руководила лишь молодежь и академисты, и солдаты скорбѣли о случившемся и были очень расположены къ русскимъ.

Вынужденный участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, Цесаревичъ глубоко скорбѣлъ объ этомъ душою.

„Фельдмаршалъ (Дибичъ) двинулся сегодня въ полдень къ границѣ, которую онъ перейдетъ завтра, писалъ Константинъ Павловичъ 24 января (5 февраля). Резервъ, коимъ я командую, перейдетъ ее послѣ завтра. Брестскій и 5-й кавалерійскій корпуса выступили въ походъ сегодня. И такъ, сегодня начинается новая эра; да благословитъ насъ милосердый Господь. Позвольте мнѣ, дорогой и несравненный братъ, при этомъ важномъ и торжественномъ случаѣ, поручить вамъ то, что у меня есть самага дорогого на свѣтѣ, т. е. жену и сына. Если меня постигнетъ бѣда, у нихъ не останется иной поддержки, кромѣ васъ. Не лишайте ихъ вашей милости и покровительства, коими они пользовались при моей жизни, съ которой я разстанусь тогда спокойно, служа Богу и моему Государю“.

„Мы всѣ въ рукахъ Божьихъ, отвѣчалъ Государь; не тревожьтесь за судьбу тѣхъ, кто дорогъ Вамъ, они равно дороги и намъ. Да хранитъ Васъ всѣхъ Господь; что касается Васъ лично, то *позвольте мнѣ приказать* Вамъ принять всѣ мѣры предосторожности, какія только разумъ повелѣваетъ принять въ странѣ убійцъ и негодяевъ (*assassins et misérables*), у которыхъ нѣтъ ничего святого. Я требую этого отъ Васъ именемъ Бога и данной Вами присяги ¹⁾“.

Заботясь объ участи близкихъ ему лицъ, Константинъ Павловичъ не забылъ и о приближенныхъ къ нему военныхъ и гражданскихъ чинахъ и о своихъ слугахъ, которымъ просилъ сохранить получаемое ими жалованье; въ особенности онъ поручалъ Государю Куруту, своего стараго испытаннаго друга, „*se viel ami de près de 45 ans*“; вспомнилъ также и близкихъ его сердцу поляковъ: „будьте снисходительны и милосердны къ полякамъ, писалъ онъ, которые не могли или не были въ состояніи побороть потокъ, увлекшій ихъ на путь клятвопреступленія“.

Одновременно съ этимъ письмомъ Императоръ получилъ извѣстіе о томъ, что Хлопицкій сложилъ съ себя полномочія.

„Я считаю, писалъ онъ брату, что этотъ шагъ будетъ имѣть

¹⁾ Письмо отъ 31 января 1831 г.

рѣшающее значеніе по тому громадному впечатлѣнію, какое онъ неминуемо произведетъ какъ на демагоговъ, которые смотрятъ на него, какъ на сумасшедшаго, такъ и въ особенности на военныхъ; ибо тѣ изъ нихъ, кои сохранили хоть тѣнь совѣсти и чести, не могутъ не послѣдовать его примѣру, и быть можетъ расправятся съ виновными; самое меньшее это можетъ повести къ анархіи и междоусобицѣ, въ чемъ мы можемъ пожелать имъ *премного удовольствія*. Говорятъ, будто Вейсенгофъ отказался принять командованіе, предложенное ему *моимъ преемникомъ Адамомъ I...* Почтовый чиновникъ Новицкій, въ письмѣ къ одному служащему на почтѣ въ Берлинѣ, пишетъ, что (въ Варшавѣ) ожидаютъ со дня на день страшнаго взрыва и что онъ и всѣ благомыслящіе люди трепещутъ за свою жизнь“.

„Быть можетъ, въ настоящую минуту уже льется кровь ¹⁾! Какъ печальна, какъ тягостна эта мысль! Но по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что мы истощили всѣ средства къ примиренію прежде, нежели дойти до этого! Послѣднія извѣстія изъ Варшавы такъ нелѣпы, начиная съ назначенія главнокомандующимъ Радзивилла и нашего, такъ называемаго, низложенія, и кончая восхваленіемъ героевъ 14-го декабря, что я не нахожу словъ, чтобы выразить это, и никакъ не могу объяснить себѣ это. Какъ будто длань Господня тяготѣетъ надъ этимъ народомъ и заставляетъ его истощить всякое терпѣніе и отнять всякую возможность спасти его у тѣхъ, кто *подобно намъ* не потерялъ еще на это надежды!“

„Что касается Велепольскаго и Льва Сапѣги, то здѣсь получены ихъ донесенія князю Адаму, изъ коихъ видны ихъ происки, но вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что они почти окончательно разочаровались въ своихъ надеждахъ на поддержку со стороны англійскаго и французскаго правительствъ... Здѣсь ожидаютъ съ нетерпѣніемъ военныхъ дѣйствій; впрочемъ, узнавъ о томъ, какой оборотъ приняли дѣла въ Варшавѣ, всѣ до нѣкоторой степени успокоились“. „Было бы недурно, конечно, если бы все то, что рассказываютъ возвратившіеся изъ Варшавы солдаты о настроеніи войска, оказалось справедливымъ, но, признаюсь, я этому плохо вѣрю. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что благомыслящіе люди не довольны избраніемъ князя Радзивилла главнокомандующимъ, поэтому примѣръ Хлопицкаго въ этомъ отношеніи весьма важенъ; но г.г. подпрапорщики умѣютъ повидимому заставить молчать генераловъ и полковниковъ; это просто непостижимо“.

Наканунѣ рѣшительнаго боя подъ Прагою, Цесаревичъ, крайне этимъ удрученный, писалъ Императору изъ Милосны ²⁾:

¹⁾ Письмо отъ 27 января 1831 г.

²⁾ Письмо изъ Милосны 13/25 февраля 1831 г.

„Вотъ уже четыре дня, какъ мы стоимъ передъ Прагой; со дня на день ожидаютъ рѣшительнаго сраженія. Поляки дерутся превосходно и выказываютъ примѣрную храбрость“. „Не скрою отъ Васъ, что они очень возбуждены противъ насъ; изъ мѣстныхъ жителей лишь весьма немногіе расположены въ нашу пользу. Въ числѣ плѣнныхъ я встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ знакомыхъ, напр. графа Завадскаго, маіора Сомковскаго, подпоручика Шамовскаго, капитана Борткевича. Послѣдній особенно неистовствовалъ въ ту ночь, когда происходило возстаніе. Солдаты—иное дѣло; они все тѣ же, какими я ихъ оставилъ, и говорятъ со мною довѣрчиво. Это какой-то хаосъ, какая-то путаница, въ которой я не могу разобраться. Да будетъ воля Господня, но надобно сознаться, что мое положеніе весьма тягостно. Когда я подумаю, что каждый раненый и убитый нами можетъ упрекнуть меня въ томъ, что я былъ шестнадцать лѣтъ во главѣ арміи, которая причиняетъ имъ столько зла! Впрочемъ, извиненіемъ можетъ служить мнѣ то, что я только исполнялъ приказанія свыше, которыя клонились къ ихъ благу, Богъ имъ судья, такъ же какъ и мнѣ; тѣмъ не менѣе положеніе мое, гдѣ бы я ни находился, самое тяжелое“.

Сраженіе подъ Прагою, которое могло оказаться пагубнымъ для поляковъ, окончилось, какъ извѣстно, для нихъ довольно благоприятно, благодаря тому, что фельдмаршалъ Дибичъ, неожиданно прекративъ бой въ пять часовъ вечера, не нанесъ полякамъ рѣшительнаго удара, въ то время какъ ихъ дѣла были далеко не блестящи. И когда, послѣ удачной, съ нашей стороны, кавалерійской атаки, паника охватила у нихъ не только солдатъ, но и начальствующихъ лицъ, не исключая главнокомандующаго, князя Радзивилла, ускакавшаго съ свитой въ Варшаву, гдѣ въ тотъ моментъ всѣ считали себя на краю гибели и гдѣ уже выбирали депутацію для поднесенія побѣдителямъ ключей отъ города и испрошенія помилованія. Такимъ образомъ „фельдмаршалъ потерялъ благоприятный моментъ, чтобы овладѣть Варшавой и однимъ ударомъ покончить кампанію, которая развилась въ продолжительную и кровопролитную войну“ ¹⁾.

Столь странный образъ дѣйствій фельдмаршала объясняется различно. Графъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ приписываетъ внезапное бездѣйствіе графа неумѣстнымъ совѣтамъ Цесаревича Константина Павловича; онъ говоритъ:

„Когда Дибичъ велъ свои колонны на пражскія укрѣпленія, одинъ генералъ далъ ему совѣтъ пріостановить нападеніе, чтобы

¹⁾ Шильдеръ, стр. 338.

избѣжать кровопролитія, и онъ имѣлъ слабость его послушаться. Дибичъ никогда не хотѣлъ назвать этого генерала по имени и тайну свою унесъ въ могилу, но на смертномъ одрѣ сказалъ графу Орлову:

„Мнѣ дали этотъ пагубный совѣтъ; послѣдовавъ ему, я провинился передъ Государемъ и Россією. Главнокомандующій одинъ отвѣчаетъ за всѣ свои дѣйствія“. „Думаютъ, продолжаетъ Бенкендорфъ, что совѣтъ, остановившій карательный мечъ, поднятый имъ надъ крамольною Варшавою, принадлежалъ Цесаревичу Константину Павловичу. Видъ этого города, гдѣ Цесаревичъ жилъ и начальствовалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, гдѣ образовались его связи, и устроился его бракъ, гдѣ укрѣпились всѣ его привычки,—видъ этого города въ минуту грозящаго ему бѣдствія могъ тронуть сердце Цесаревича и внушить ему мысль о спасеніи Варшавы. Если точно имъ данъ былъ этотъ совѣтъ, то онъ понесъ жестокое наказаніе въ горестяхъ и униженіи, не перестававшихъ съ тѣхъ поръ его преслѣдовать и низведшихъ его вскорѣ въ гробъ, вдали отъ сбереженной имъ Варшавы“.

При томъ крайне удрученномъ состояніи, въ какомъ находился Константинъ Павловичъ во время битвы, жестоко страдая при мысли о бѣдствіяхъ, какія могли постигнуть поляковъ и въ коихъ онъ явился бы невольнымъ соучастникомъ, этотъ порывъ состраданія и жалости къ Варшавѣ и желанія спасти ее отъ гибели, психологически вполне понятны.

Самъ же Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ Государю 14 (26) февраля: „Не буду докучать вамъ, дорогой и несравненный братъ, описаніемъ вчерашняго кровопролитнаго сраженія, скажу одно, что *если бы* всѣ оказались на своихъ мѣстахъ, то, какъ это слѣдовало ожидать, день былъ бы рѣшительнымъ и кампанія оконченной. Но Богу угодно было рѣшить иначе и все отложено до другого раза. *А если бы* князь Шаховской прибылъ на наше правое крыло, какъ онъ долженъ былъ сдѣлать это, никогда полякамъ не увидать бы снова Праги, но—не понимаю—произошло какое-то колебаніе. Впрочемъ поговорка говоритъ: *que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles*“. „Прага занята нашими войсками; потери поляковъ очень велики, особенно много они потеряли артиллеріи и лошадей“. „Шестой корпусъ, бывший литовскій, доказалъ въ эту кампанію, какой духъ его одушевляетъ; благодареніе за это всемогущему Богу; это показываетъ, что поляки, хорошо руководимые, могутъ и умѣютъ быть вѣрны своему долгу“.

„Поляки перешли, со всѣми своими силами, Прагу, мы остались

по сію сторону ея, занявъ частью предмѣстье, они же занимають тѣтъ-де-понъ. Говорять, что ихъ пѣхота занимаетъ столицу, а кавалерія стоитъ въ окрестностяхъ“.

Узнавъ объ исходѣ сраженія, императоръ Николай очень скорбѣлъ. „Я ничего не понимаю ни во всемъ томъ, что происходитъ, ни въ вашихъ намѣреніяхъ, писалъ онъ Дибичу и съ покорностью волѣ Божіей ожидаю того, что Ему въ Его милосердіи будетъ угодно сотворить изъ всего этого“.

„Трудно судить о сраженіи издалека, писалъ Государь Константину Павловичу ¹⁾, но, какъ никакъ, нельзя понять, почему атака велась съ самой невыгодной стороны, тогда какъ если бы ее повели съ праваго фланга при помощи гренадеръ и всей превосходной кавалеріи, то для поляковъ могла бы произойти вторая Березинская переправа. Для нихъ, съ военной точки зрѣнія, очень почетно, что они сохранили почти всю свою артиллерію и могли, послѣ такого пораженія, въ одну ночь перейти Вислу по одному мосту“. „Я искренно радъ, что Вы остались послѣ этого кровопролитнаго сраженія здоровы и невредимы. Я, также какъ и Вы, искренно сожалею, что столько пролитой крови и столько доблестныхъ усилій не привели къ окончанію войны, или, по крайней мѣрѣ, къ какому-нибудь положительному результату, но видно, такъ угодно Богу; мы должны и впредь приложить всевозможныя усилія къ тому, чтобы окончить эту гнусную войну какъ можно скорѣй. Неудивительно, что поляки дерутся хорошо—видно, чьи они ученики, но развѣ не прискорбно видѣть, что они выказываютъ такое мужество въ такомъ печальномъ дѣлѣ“.

Пользуясь пріостановкой военныхъ дѣйствій, Константинъ Павловичъ уѣхалъ для свиданія съ женою въ Бѣлостоку; наблюденія, сдѣланныя имъ по пути относительно настроенія мѣстнаго населенія, сулили мало хорошаго. „Къ намъ относятся чрезвычайно враждебно, писалъ Цесаревичъ брату ²⁾, и я полагаю, что благодаря принятому нами способу продовольствовать войско и производить фуражировки, это неудовольствіе будетъ расти съ каждымъ днемъ; разумѣется иной способъ продовольствія войска обошелся бы дороже, но за то былъ бы порядокъ и жители не видѣли бы, что у нихъ отнимаютъ ихъ добро по большей части даромъ и прекратился бы грабежъ. Мѣстность, по которой я ѣхалъ вдоль операціонной линіи, производитъ самое гнусное впечатлѣніе; въ другихъ мѣстахъ все въ порядкѣ. Впрочемъ, я мѣшаюсь въ то,

¹⁾ Письмо изъ Спб., отъ 22 февраля (16 марта) 1831 г.

²⁾ Письмо изъ Бѣлостока, отъ 19 февраля (3 марта) 1831 г.

что меня не касается; но это невольно вылилось у меня изъ-подъ пера“.

Томясь безъ дѣла въ Бѣлостоцкѣ, Цесаревичъ рѣшилъ съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій немедленно возвратиться къ своему гвардейскому отряду, но Императоръ былъ противъ этого и находилъ неудобнымъ, „чтобы его братъ принялъ на себя вторично ту незначашую и не соотвѣтствующую занимаемому имъ положенію роль, которую онъ уже разъ разыгралъ“. Между нимъ и Цесаревичемъ завязалась по этому поводу переписка, въ которой оба настойчиво отстаивали свое мнѣніе; считая своимъ нравственнымъ долгомъ отвлечь брата отъ этого намѣренія, Государь принялъ наконецъ совершенно необычный для него по отношенію къ Константину Павловичу рѣшительный и непреклонный тонъ.

„Вы сдѣлали все, писалъ Императоръ Цесаревичу, что могла потребовать отъ васъ честь и Ваша любовь къ вашей славной гвардіи; войско было свидѣтелемъ того, какъ Вы подвергали себя опасности подъ огнемъ мятежниковъ, коихъ Ваше присутствіе должно было вернуть на путь долга; повторяю, Вы сдѣлали въ этотъ тяжелый мѣсяцъ *болѣе того, что Вамъ повелѣвалъ долгъ*. Теперь, позвольте мнѣ говорить съ Вами откровенно, какъ я къ тому привыкъ; до сихъ поръ мнѣ ничего не оставалось, какъ предоста-вить Вамъ полную свободу принять то или иное рѣшеніе и восхищаться Вашими рѣшеніями, которыя, *признаюсь*, вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что я и самъ сдѣлалъ бы въ Вашемъ тяжеломъ положеніи. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось; Вы заплатили долгъ признательности войску, и нужно подумать о томъ, *приличествуетъ ли* Вамъ вернуться къ арміи, дабы принять командованіе, надъ чѣмъ—надъ *пятью* полками! Вы не пожелали принять командованіе арміей; Вы не захотѣли, по своему великодушію, лишить Розена командованія корпусомъ и имѣете душевное удовлетвореніе знать, что корпусъ обезсмертилъ себя; что Вамъ нужно еще? принимая во вниманіе *Ваше положеніе, Ваше происхожденіе*, дальнѣйшее Ваше пребываніе въ арміи было бы неприлично, и что еще важнѣе, оно было бы опасно, ибо въ тотъ моментъ, когда безуміе, злоба и отчаяніе побуждаютъ несчастныхъ не гнушаться никакими средствами, покушеніе на Васъ *легко могло бы быть приведено въ исполненіе*; кто поручится, что оно не удастся, что *Васъ не захватятъ, чтобы имѣть въ Вашемъ лицѣ заложника*; подумайте, какъ это было бы ужасно, и какія это могло бы имѣть неисчислимыя послѣдствія! Поэтому я думаю, что эту мысль (уѣхать въ Бѣлостоцкъ) внушилъ Вамъ самъ Господь. *Оставайтесь тамъ, гдѣ Вы находитесь теперь*. Я увѣренъ, Вы поймете побужденія, заставляющія меня

говорить это, и не истолкуете превратно слова брата, который *цѣною своей крови* готовъ бы искупить весь ужасъ Вашего положенія... Обдумайте все это хорошенько и не огорчайте меня, стараясь найти какія-либо инныя причины или какія-либо заднія мысли тому, что я говорю Вамъ откровенно, въ силу моей искренней къ Вамъ дружбы“.

На это ясно и опредѣленно выраженное желаніе Государя, Цесаревичъ отвѣчалъ болѣе чѣмъ уклончиво, съ плохо скрытымъ чувствомъ обиды и раздраженія.

„Я былъ глубоко тронуть, читая Ваше письмо, — писалъ онъ ¹⁾ своему августѣйшему брату, — тѣмъ болѣе, что Вы благоволили отдать справедливость тѣмъ чувствамъ, кои руководили мною при этихъ трудныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ (*rénibles et cruelles circonstances*). Я цѣню, дорогой и несравненный братъ, Вашу нѣжную заботливость обо мнѣ (простите мнѣ это выраженіе); она исходитъ изъ сердца брата, который умѣетъ любить и чувствовать; поэтому, я принимаю изъявленіе этихъ чувствъ съ Вашей стороны съ почтительной покорностью и величайшей признательностью.

Я исполню, насколько это будетъ въ моей власти, Ваше желаніе относительно моего пребыванія здѣсь, но на все есть предѣлъ; разумѣется, ничто не вынуждаетъ меня вернуться къ арміи, я радъ, что я могъ исполнить мои обязанности по отношенію къ ней, но что касается моего долга по отношенію къ преданной мнѣ гвардіи, раздѣлявшей со мною всѣ опасности, все горе и всѣ лишенія, то онъ не можетъ быть ликвидированъ такъ легко, на это нужно время. Впрочемъ, повторяю, Вы будете довольны моимъ поведеніемъ, я не стану дѣлать ничего поспѣшно, всѣ мои рѣшенія будутъ приняты съ величайшимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, отнюдь не вредя Вашимъ интересамъ и моимъ собственнымъ—да позволено это мнѣ будетъ сказать—столь тѣсно связаннымъ съ судьбою тѣхъ лицъ, кои стали жертвою моей судьбы. Я не думаю, чтобы мнѣ не приходилось опасаться козней, но они могутъ быть вездѣ, ихъ не избѣжать.

„Повторяю, и даже обѣщаю, не дѣлать ничего поспѣшно и предпринимать дальнѣйшіе шаги лишь по зрѣломъ размышленіи. Что касается командованія, то я не добиваюсь его и только радуюсь и благодарю Бога за примѣрное поведеніе 6-го корпуса... Справедливость, которую Вы отдаете мнѣ, въ высокой степени для меня драгоценна; я дорожу ею, какъ чѣмъ-то лично мною приобрѣтеннымъ, такъ называемое общественное мнѣніе для меня въ вы-

¹⁾ Письмо отъ 2 (14) марта.

сокой степени безразлично, въ особенности въ мои лѣта и прослуживъ 35 лѣтъ, но съ другой стороны я прекрасно знаю, что я обязанъ по отношенію къ самому себѣ и что мнѣ повелѣваетъ долгъ по отношенію къ себѣ; могу Васъ увѣрить, что мои рѣшенія не будутъ приняты скоропостижно, а лишь по зрѣломъ размышленіи¹⁾“.

Нѣсколько дней спустя, Цесаревичъ снова возвращается къ вопросу о своемъ дальнѣйшемъ пребываніи въ арміи и, не давая все же никакихъ положительныхъ обѣщаній, подтверждаетъ свои рѣшенія „поступать впредь обдуманно и осторожно“. „Повѣрьте, дорогой и несравненный братъ,—пишетъ Цесаревичъ,—что Ваша заботливость во всемъ, что меня касается непосредственно, налагаетъ на меня священную обязанность отвѣтить на это во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ образомъ и что сердце мое преисполнено величайшей къ вамъ признательности. Положитесь на меня; я льщу себя надеждою, что я сумѣю, при этихъ щекотливыхъ для меня обстоятельствахъ, заслужить Ваше одобреніе и согласовать то, чѣмъ я обязанъ по отношенію къ людямъ и къ моей печальной и болѣе чѣмъ бесполезной личности, вся жизнь которой была лишь слѣпымъ повиновеніемъ и которая, въ концѣ концовъ, была оскорблена въ томъ, что человѣку дороже всего на свѣтѣ, т. е. въ чести, испытать неблагодарность и подлость, подобныхъ которымъ свѣтъ не видалъ. Я не жалуясь, ибо такова воля Господня, но позволительно вѣдь чувствовать весь ужасъ своего положенія и сознавать, сколько человѣкъ обязанъ тѣмъ, кто отрекшись отъ всего, что у нихъ было самага дорогого въ мірѣ, пожертвовали собою изъ одной такъ сказать преданности, чтобы доказать свое усердіе и преданность такой печальной личности (*triste individu*), какъ я. Повѣрьте мнѣ также, дорогой и несравненный братъ, что война не интересуется и не прельщаетъ меня, я достаточно насмотрѣлся на нее за свою слишкомъ 35-лѣтнюю службу, и въ мои 52 года; но бываютъ обстоятельства, вынуждающія Васъ, помимо воли, быть тамъ, гдѣ бы Вы не хотѣли быть. Впрочемъ, повторяю еще разъ данное мною обѣщаніе“.

Вышеприведенныя строки писаны Цесаревичемъ послѣ бесѣды съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, пріѣзжавшимъ для свиданія съ нимъ изъ Гродно, куда онъ прибылъ для смотра войскамъ, имѣя отъ Государя между прочимъ порученіе развѣдать дальнѣйшія намѣренія Цесаревича Константина Павловича и склонить его на точку зрѣнія, которой держался Императоръ. Это ему не

¹⁾ Письмо изъ Бѣлостока отъ 12 (24) марта 1831 г.

удалось, и Николай Павловичъ, узнавъ о результатѣ ихъ бесѣды, счелъ нужнымъ еще болѣе настойчиво и рѣшительно подтвердить Цесаревичу свой взглядъ на дѣло.

„Я узналъ изъ письма Михаила, что онъ видѣлся съ Вами, дорогой Константинъ,—писаль Государь¹⁾,—онъ счастливѣе меня, онъ видѣлъ Васъ, онъ могъ бесѣдовать съ Вами и излить Вамъ свою душу послѣ всѣхъ бѣдствій, коими послѣднее время было такъ чревато. Онъ счастливѣе меня, ибо я не знаю еще, когда мнѣ удастся увидѣть Васъ. Онъ исполнилъ данное ему мною порученіе къ Вамъ, и я не безъ огорченія и не безъ искренней печали узналъ отъ него о Вашемъ намѣреніи возвратиться къ арміи, не взирая на все то, что я осмѣлился высказать Вамъ противъ этого плана. Между тѣмъ, долгъ, налагаемый на меня моимъ положеніемъ, которое я занимаю, какъ оно ни тягостно, *лишь въ силу Вашей воли*, повелѣваетъ мнѣ пренебречь всѣми иными соображеніями; поэтому, мнѣ приходится, къ сожалѣнію, вернуться къ этому вопросу, имѣющему столь важное значеніе въ такой моментъ, когда все имѣетъ огромное значеніе“.

„Дорогой Константинъ, Вы не должны возвратиться къ арміи, чтобы играть въ ней снова ту ничтожную и не соответствующую Вашему рангу и Вашему положенію роль, какую Вы играли въ ней послѣднее время. Это предосудительно и для Вашего званія и для того, чѣмъ Вы были для насъ и чѣмъ Вы остаетесь до сихъ поръ. Вамъ угодно было часто говорить мнѣ, что *Вы ревностно и преданно будете служить мнѣ*, такъ позвольте же мнѣ во имя этого обѣщанія, даннаго съ Вашей стороны, и подъ видомъ личной мнѣ услуги, попросить ея у Васъ, потребовать ея.

„Вся эта война мѣняетъ свой характеръ; изо дня въ день она становится болѣе серьезной, болѣе ожесточенной, благодаря толкамъ, которые вожаки умѣютъ давать ей, пользуясь нашимъ долгимъ бездѣйствіемъ; уже однимъ изъ предлоговъ, которымъ они пользуются между прочимъ для воодушевленія противъ насъ войскъ, является бывшее Ваше присутствіе въ арміи, какъ доказательство прямой мести. Отстранимъ даже призракъ такой мысли. Я уже сказалъ Вамъ и снова повторяю: никто не имѣетъ права упрекать Васъ въ томъ, что Вы не раздѣлили опасностей Вашихъ храбровъ; благопріятный для этого моментъ миновалъ; другія соображенія, болѣе настоятельныя, должны противиться Вашему возвращенію туда. Вы отказываетесь также отъ командованія гвардіей, хотя я предлагалъ Вамъ снова вступить въ него, что было бы

¹⁾ Письмо отъ 16 (28) марта.

вполнѣ естественно и въ порядкѣ вещей, а въ будущемъ объединило бы все подъ Вашимъ начальствомъ. Вы сего не желаете, вѣроятно, у Васъ должны быть свои причины отказываться отъ него; но, повторяю, это именно то, чего я желаю.

„Болѣзненное состояніе моей несравненной сестры, о чемъ Михаилъ сообщаетъ мнѣ подробности, также является могущественнымъ побужденіемъ, чтобы въ настоящее время Вамъ оставаться возлѣ нея. Однимъ словомъ, дорогой Константинъ, я долженъ настаивать на томъ, чтобы въ настоящую минуту Вы отказались отъ своего намѣренія, на которое мнѣ невозможно согласиться“.

Рѣшительное слово было сказано, но и на этотъ разъ всѣ доводы Императора оказались тщетны; Цесаревичъ настаивалъ на своемъ мнѣніи и отвѣтилъ на ясно выраженную волю Государя низеслѣдующими строками, въ которыхъ ясно чувствовалась горечь затаенной обиды.

„Письмо (отъ 16-го марта), полученное мною сегодня утромъ ¹⁾, по своему содержанію настолько для меня важно, что я не могу не отвѣтить на него немедленно.“

„Воля монарховъ, коимъ я служилъ, была всегда священна для меня, равно какъ и воля того, кому я служу въ настоящее время. Лишу себя надеждою, что никто не станетъ оспаривать эту истину, къ тому же факты говорятъ за себя и мое тягостное положеніе въ данную минуту, когда я сталъ, такъ сказать, жертвою своего прошлаго послушанія, не уклоняясь въ теченіе 17 лѣтъ отъ данныхъ мнѣ приказаній, которыя я постоянно исполнялъ, нерѣдко вопреки своему убѣжденію, съ величайшей добросовѣстностью свидѣтельствуютъ о томъ, что все то, что я говорю, есть истина. И такъ, я счелъ себя въ правѣ, не взирая на ваше настояніе, осмѣлиться умолять Васъ положиться на мою осторожность, съ какою я воспользовался бы удобнымъ моментомъ, чтобы вернуться къ арміи, которую я, безъ сомнѣнія, не покинулъ бы ни на минуту, если бы я только могъ предвидѣть то ложное и болѣе чѣмъ щекотливое положеніе, въ какое меня поставило мое прискорбное отсутствіе изъ арміи. Вообще, я, какъ видно, неудачникъ и въ моемъ преклонномъ возрастѣ, послѣ долгихъ лѣтъ дѣйствительной службы, никто такъ не чувствуетъ своего ничтожества, какъ я; я говорю это не изъ ложной скромности, но по самому глубокому внутреннему убѣжденію передъ Богомъ и людьми. Что касается командованія, которое Вамъ угодно было предложить мнѣ, я уже имѣлъ счастье высказать Вамъ, въ моихъ

¹⁾ Писано 21 марта/2 апрѣля 1831 г.

предъидущихъ писъмахъ, что я не честолюбивъ, и, разумѣтся, не въ мои лѣта можно сдѣлаться честолюбцемъ, когда, такъ сказать, разсѣваются всякія иллюзіи и человѣкъ становится равнодушнымъ почти ко всему мірскому; такимъ образомъ, изъ-за возстанія въ Польшѣ я потерялъ командованіе въ этой странѣ и, разумѣтся, не мнѣ судить о томъ, заслуженно это или нѣтъ по прошествіи 16½ лѣтъ заботъ, трудовъ и непрестаннаго старанія склонить, такъ сказать, общественное мнѣніе въ пользу учрежденія, созданнаго нашимъ блаженной памяти Императоромъ, и противъ котораго всѣ возставали какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ. Короче сказать, дѣло было проиграно, равно какъ всѣ труды и заботы, положенныя на него, были потеряны. Мнѣ остались вѣрны только Императорскія войска, которыя я имѣлъ счастье привести, съ Божіей помощью, въ цѣлости къ нашей границѣ, предоставивъ Вамъ, дорогой и несравненный братъ, дѣйствовать сообразно съ Вашими намѣреніями“. „Прибывъ на границу, я нашелъ свой бывшій литовскій корпусъ переименованнымъ и включеннымъ въ главную армію“. Что оставалось мнѣ дѣлать въ подобный моментъ? Ничего иного, какъ остаться съ тѣми, кои раздѣлили мои опасности и мои труды и выказали мнѣ преданность, о каковой я всегда сохраню въ сердцѣ своемъ благодарное воспоминаніе. Въ концѣ концовъ у меня отняли и литовскихъ гренадеръ, которые были причислены къ 6 корпусу; и я остался съ тѣми, съ которыми я остался во время возстанія цѣлъ и невредимъ... Я молчалъ и повиновался. Все это доказываетъ, что я умѣю, по крайней мѣрѣ, повиноваться.

„Теперь Вамъ угодно предложить мнѣ командованіе петербургской гвардіей, которой я не командую уже 17 лѣтъ и которая мнѣ почти совсѣмъ чужая. Не захотѣвъ отнять командованіе у моего стараго товарища Розена, могу ли я тѣмъ болѣе, оставаясь послѣдовательнымъ, лишить командованія моего брата и стать во главѣ его; мало того, случись подъ моимъ командованіемъ какая-нибудь бѣда, вся отвѣтственность падеть, само-собою разумѣтся, на меня и что еще хуже, всякій въ правѣ будетъ сказать, что если бы гвардіей командовалъ Великій Князь Михаилъ, то этого бы не случилось.

„Я хотѣлъ вернуться къ своимъ войскамъ, меня не прельщала слава командовать ими, я хотѣлъ только исполнить священный долгъ по отношенію къ офицерамъ и солдатамъ. Вы этого не желаете; это должно быть для меня закономъ; но вѣдь на все есть предѣлъ; позвольте мнѣ умолять Васъ, дорогой и несравненный братъ, не стѣсняться со мной и сказать мнѣ безъ обиняковъ, что Вы въ моей службѣ болѣе не нуждаетесь; смѣю Васъ увѣрить, что я немедленно брошу долгую и трудную карьеру и вернусь къ частной

жизни, что мнѣ слѣдовало, конечно, сдѣлать въ 1829 г., если бы меня не удержало отъ этого глупое желаніе прослужить 35 лѣтъ.

„Осмѣливаюсь еще разъ умолять Васъ стать въ мое положеніе и не препятствовать мнѣ вернуться къ преданнымъ мнѣ войскамъ, что, повторяю еще разъ, будетъ сдѣлано мною съ величайшей осторожностью и въ подходящій моментъ.

„Простите за откровенность, съ какою я пишу, но честь обязываетъ меня не скрывать отъ Васъ ничего меня касающагося“.

На это письмо, въ которомъ Цесаревичъ, съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ, излилъ всю горечь, накопившуюся у него на душѣ, Императоръ отвѣчалъ коротко и рѣшительно ¹⁾: „исчерпавъ все, что только у меня было на душѣ высказать Вамъ, какъ въ качествѣ брата, такъ и въ качествѣ преданнаго друга, и наконецъ,—что мнѣ было и постоянно будетъ самымъ тягостнымъ,—по долгу моего положенія (*par devoir de ma place*), я не имѣю къ этому ничего прибавить... Полагаюсь на Вашу собственную совѣсть; рѣшайте, приличествуетъ ли Вамъ во всѣхъ отношеніяхъ вернуться къ Вашимъ пяти полкамъ. Вы властны дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ согласно Вашей совѣсти, Вашимъ убѣжденіямъ, — и я умолкаю“.

Не легко было Императору Николаю писать все это брату, который, по выраженію Государя, былъ его властелиномъ и остался таковымъ навсегда въ глубинѣ его сердца (*vous qui avez été notre maître et qui pour moi l'êtes toujours au fond de mon coeur*), но долгъ въ умѣ Императора, какъ и всегда взялъ верхъ надъ чувствомъ; Цесаревичъ покорился волѣ Государя, которая, по его словамъ, „для него была, есть и будетъ святая“, и остался въ Бѣлостокѣ.

Съ этого времени для Цесаревича наступилъ самый тяжелый въ его жизни періодъ. Мое положеніе такое, писалъ онъ Ѳ. П. Опочинину, что дѣйствительно я живу со дня на день, и нельзя даже обратить мысль или желаніе на будущее. Одна надежда на Господа Бога и упованіе на Его всемогущую волю. Безъ того есть съ чего съ ума сойти. Жена у меня шибко была больна и теперь еще столь слаба, что лежитъ въ кровати. Всѣ ея недуги не суть иное, какъ послѣдствіе нашего выгона изъ Варшавы и претерпѣнія всѣхъ безпокойствъ, какъ физическихъ, такъ и моральныхъ, а хуже всего продолженіе сего положенія, ибо по всѣмъ обстоятельствамъ конца не предвидится ни въ чемъ, слѣдовательно, и надежды нѣтъ къ тому“.

¹⁾ Письмо отъ 30 марта (11 апрѣля).

Нѣсколько времени спустя онъ писалъ тому же Опочинину: „Я здоровъ, но до крайности скученъ, и признаюсь, что надо много и много духу и твердости, дабы перенести теперешнее мое положеніе, вспоминая каждую минуту прошедшее... есть минуты таковыя, что голова идетъ въ кругъ и до сумасшествія не далеко. Я бы былъ одинъ, почти все потерявъ, бѣда небольшая, но всѣ сіи невинныя жертвы и страдальцы каждую минуту передъ глазами и изъ мысли не выходятъ“.

„Какая для меня разница въ окончаніи моихъ пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду и начатіи пятьдесятъ третьяго года съ предыдущими, и признаюсь, что никогда не воображалъ, чтобы могли постичь меня и моихъ тѣ всѣ несчастія, которыя уже были и продолжаютъ преслѣдовать въ награду трудовъ, усердія, ревности къ службѣ и исполненія возможнаго въ теченіе 16½ лѣтъ. Богъ есть судія виновникамъ всего сбывающагося со всѣхъ сторонъ съ нами. Мое дѣло—молчаніе, терпѣніе и упованіе твердое на милость и благость Господа Всемогущаго, что поздно или рано выведетъ изъ сего столь труднаго положенія... Сегодня два года тому назадъ, какъ былъ торжественный въѣздъ Государя въ Варшаву, и гдѣ онъ былъ принятъ съ восторгомъ и съ изъявленіемъ најживѣйшихъ чувствъ привязанности и усердія. Я же былъ счастливъ тѣмъ, что могъ какъ бы сказать, водворить моего Государя, представя ему плоды заботъ всѣхъ родовъ, 16½ лѣтъ продолжавшихся. Кто бы могъ тогда вообразить, что, спустя два года, все будетъ поставлено вверхъ дномъ столь неистовыми, столь подлыми, столь неблагодарными, столь измѣнническими и столь стыдными способами, и которыя завлекли цѣлый народъ и $\frac{3}{4}$ онаго противъ желанія и благополучія, которымъ онъ пользовался, въ бездну пропасти несчастія, въ угодность лицемѣровъ и ихъ пользу, дабы воспользоваться трудами другихъ. Волосы дыбомъ становятся, только что объ этомъ подумаешь“.

Покоряясь волѣ брата, Цесаревичъ, въ дальнѣйшихъ письмахъ воздерживался отъ сѣтованій и отъ выраженія своихъ горестныхъ чувствъ, ограничиваясь передачею свѣдѣній и слуховъ, доходившихъ до него тѣмъ или инымъ путемъ изъ Польши; болѣе всего угнетало его въ то время почти полное отсутствіе достовѣрныхъ свѣдѣній о ходѣ военныхъ дѣйствій.

„Что касается меня, я здоровъ, писалъ Константинъ Павловичъ Государю 29 марта (10 апрѣля), но признаюсь откровенно, я буду чувствовать себя вполне хорошо только тогда, когда я получу добрыя вѣсти объ арміи и о Вильно.“

Тревожное настроеніе, вызванное неудачной для насъ кампаніей

усугубилось появленіемъ въ Западномъ краѣ холеры, которая начала свирѣпствовать и среди войска.

Государь, въ свойственномъ ему упованіи на Бога, не терялъ бодрости и не падалъ духомъ. Раздѣляя скорбь брата по поводу неудачныхъ дѣйствій арміи, онъ считалъ необходимымъ, болѣе чѣмъ когда-либо, скрывать свои опасенія и поддерживать своимъ примѣромъ доблесть тѣхъ, кто падалъ духомъ вслѣдствіе неудачъ, правда, чувствительныхъ, но отнюдь не столь рѣшительныхъ, чтобы отъ нихъ зависѣлъ окончательный исходъ кампаніи. „Твердо надѣясь на милосердіе Божіе и дѣйствуя настойчиво, мы можемъ поправить свои дѣла,—писалъ онъ брату,—и добиться результата, отвѣчающаго надеждамъ и желаніямъ всѣхъ честныхъ людей. Я боюсь одного—чтобы не упали духомъ начальствующія лица, ибо это легко можетъ сообщиться войску“.

Въ эти печальные дни, Государя тревожила еще мысль о личной безопасности Цесаревича и его супруги; уже въ началѣ апрѣля онъ предвидѣлъ для нихъ необходимость уѣхать изъ Бѣлостока, гдѣ пребываніе становилось небезопаснымъ, такъ какъ въ окрестностяхъ города появился польскій отрядъ Хлаповскаго. Въ первыхъ числахъ мая Цесаревичъ увѣдомилъ Государя, что фельдъегерь, прибывшій отъ Михаила Павловича, привезъ ему извѣстіе о томъ, что непріятель, съ значительными силами, перешелъ Бугъ, вслѣдствіе чего онъ рѣшилъ оставить Витебскъ, откуда онъ и выѣхалъ 9 (21) мая въ Слонимъ.

„Простите мнѣ мои каракули,—писалъ Цесаревичъ, за часъ до отъѣзда изъ Бѣлостока,—руки такъ сильно дрожатъ отъ всей суеты, связанной съ отъѣздомъ, что я еле держу въ рукахъ перо“.

Узнавъ объ отъѣздѣ Константина Павловича, Государь очень совѣтовалъ ему пріѣхать въ принадлежавшее ему Стрѣльно: „по крайней мѣрѣ Вы были бы тамъ у себя,—писалъ онъ,—съ людьми, которые всей душою Вамъ преданы. Съ тѣхъ поръ, какъ событія приняли столь печальный оборотъ, эта кочевая жизнь въ странѣ, гдѣ все такъ небезопасно,—невыносима. Подумайте объ этомъ хорошенько“.

На это предложеніе Цесаревичъ не отвѣчалъ ничего положительнаго, но, какъ мы знаемъ изъ предыдущихъ писемъ, онъ не хотѣлъ жить въ Петербургѣ, гдѣ, какъ онъ говорилъ, для него не было мѣста и гдѣ пребываніе вблизи двора было бы для него въ тягость.

По мѣрѣ того какъ Цесаревичъ удалялся изъ Польши, его настроеніе все болѣе и болѣе омрачалось; извѣстія, которыя ему при-

ходило сообщать Государю, были очень неприятны; инициатива военных дѣйствій была нами окончательно потеряна.

Особенно трудно было Цесаревичу помириться съ мыслью, что „остатки преданной ему польской гвардіи были обречены на партизанскую войну: они были посланы въ Гродно, чтобы противодѣйствовать отрядамъ Гелгуда и Хлаповскаго и такъ какъ этотъ гвардейскій отрядъ былъ довольно слабъ и не мало пострадалъ за послѣдніе семь мѣсяцевъ, въ особенности отъ холеры, то Константинъ Павловичъ „боялся, чтобы онъ не потерпѣлъ пораженія, такъ какъ это могло повредить его репутаціи; впрочемъ, — писалъ онъ, — да будетъ воля Господня, но признаюсь, я не понимаю, какъ можно употреблять гвардію для партизанской войны. Если это сдѣлано потому, что не были увѣрены въ вѣрности этого, нѣкогда столь прекраснаго и состоявшаго по большей части изъ поляковъ, войска, — то крайне недальновидно употреблять его въ собственно польскихъ провинціяхъ, въ родномъ краѣ“¹⁾.

„Признаюсь откровенно, отсутствіе извѣстій объ остаткахъ моей гвардіи очень тревожитъ меня, и я осмѣлюсь повторить въ настоящемъ письмѣ то, что я говорилъ въ предыдущихъ, а именно, что было крайне непредусмотрительно, чтобы не сказать болѣе, со стороны фельдмаршала, послать гвардейскій отрядъ, чтобы вести, такъ сказать, партизанскую войну и заставлять его дѣйствовать въ родномъ краѣ, быть можетъ противъ отца, брата, родныхъ, тогда какъ, оставаясь въ массѣ войска, онъ могъ бы быть гораздо полезнѣе; при томъ же у нихъ остались въ Варшавѣ жены и дѣти. Да избавитъ ихъ Господь отъ новыхъ бѣдствій, которыя обрушиваются на нихъ, также, — осмѣлюсь сказать, какъ и на меня, вотъ уже цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ!“²⁾.

Страшась за свою супругу, Цесаревичъ поспѣшилъ уѣхать изъ Орши по Бѣлорусскому тракту, черезъ Минскъ въ Витебскъ. Это былъ его послѣдній этапъ.

Тутъ, въ домѣ генераль-губернатора, князя Хованскаго онъ скончался отъ холеры 14 (26) іюня 1831 г.

Изъ Витебска Цесаревичъ послалъ Государю свои послѣднія три письма; въ одномъ изъ нихъ отъ 7 (19) іюня, онъ коснулся еще разъ своего тягостнаго положенія и невозможности возвратиться въ С.-Петербургъ.

„Что касается меня лично, дорогой и несравненный братъ, позвольте мнѣ говорить съ Вами откровенно въ отвѣтъ на Ваше

¹⁾ Письма изъ Толочина отъ 26 мая (7 іюня) и изъ Каміонки близъ станціи Коханово отъ 29 мая (10 іюня).

²⁾ Письмо изъ Орши отъ 1 (13) іюня.

любезное предложеніе поселиться мнѣ близъ Петербурга, говоря слишкомъ лестныя для меня слова, что десятидневный карантинъ будетъ мгновениемъ по сравненію съ тѣмъ промежуткомъ времени, которое протекло съ нашей послѣдней разлуки. При всей моей признательности за все, что Вы благоволили высказать мнѣ, я осмѣливаюсь настоятельно умолять Васъ войти въ мое тягостное положеніе данной минуты, и въ ту фальшивую роль, которую я вынужденъ играть; блуждая, какъ я, разлученный съ плачевными остатками моихъ (войскъ), которыхъ я не долженъ былъ бы покинуть иначе, какъ разставшись съ жизнью, изъ чувства благодарности за вѣрность, которую они проявляли и доказывали мнѣ со времени всѣхъ моихъ несчастій; съ какимъ лицомъ и съ какимъ выраженіемъ хотите Вы, дорогой и несравненный братъ, чтобы я явился къ Вамъ въ С.-Петербургъ, гдѣ уже, слава Богу, меня, надѣюсь, почти забыли? Или я могъ бы приблизиться къ Вамъ съ выраженіемъ стыда? Или же съ выраженіемъ недовольнаго, какимъ я, конечно, никогда не буду? Или же съ видомъ огорченнаго, который будетъ истолкованъ своими и чужими въ смыслѣ недовольства и фамильной распри, которая равнымъ образомъ есть и будетъ совершенно чуждой мнѣ, но которая, несмотря на это, будетъ по своему истолкована недовольными, которые кишатъ повсюду? Или, наконецъ, для того, чтобы запереться у себя, почти не выходя оттуда, такъ какъ, признаюсь, я не буду въ состояніи показаться куда бы то ни было, не ощущая стыда за ту жалкую роль, которую я вынужденъ играть послѣ 36 лѣтъ службы. Таково истинное положеніе вещей, и всѣ въ правѣ будутъ сказать: онъ бросилъ своихъ, не захотѣвъ или побоявшись остаться съ ними, и пріѣхалъ сюда, чтобы жить спокойно и не подвергаться опасности; я не могу представить всѣмъ говорунамъ въ свое оправданіе письма, которыя Вы соблаговолили написать мнѣ; они увидѣли бы изъ нихъ только мою покорность и мое послушаніе, во исполненіе Вашей Высочайшей воли, которая до конца моей жизни будетъ для меня непреложнымъ закономъ... Благоволите также подумать, сколько людей потребуютъ отъ меня отчета въ своихъ родственникахъ и дѣтяхъ, которыхъ они мнѣ ввѣрили, и которыхъ, я, повидимому, покинулъ, не будучи въ состояніи отвѣтить имъ съ доказательствами въ рукахъ, и, тѣмъ не менѣе, они съ трудомъ этому повѣрятъ“.

Читая эти скорбныя строки, Императоръ понялъ всю глубину душевныхъ страданій брата и не настаивалъ болѣе на его возвращеніи въ Петербургъ; онъ даже предложилъ ему, уговоривъ свою супругу отправиться въ Петербургъ одной, вернуться въ дѣйствующую армію, „хотя, повторяю, Ваша роль тамъ была бы не та, въ

какой я хотѣлъ бы видѣть Васъ въ арміи,—присовокуплялъ Николай Павловичъ.—И такъ Вы вольны поступить, какъ хотите, и Вамъ извѣстны теперь самыя сокровенныя мои мысли“.

Цесаревичъ ни согласился послать жену въ Петербургъ одну, гдѣ, вдали отъ него, „среди чуждаго ей міра“ она, въ особенности какъ полька, не могла бы чувствовать себя хорошо, какое бы вниманіе ей ни оказывали; что касается его собственной дальнѣйшей участи, то онъ рѣшилъ окончательно не ѣхать въ столицу, гдѣ онъ, послѣ 19 лѣтняго почти отсутствія, сталъ всѣмъ чужой и гдѣ ему всѣ стали чужими; онъ рѣшилъ ожидать дальнѣйшихъ событій и приказаній Императора въ Витебскѣ.

Пространное письмо отъ 13 (25) іюня, въ которомъ Константинъ Павловичъ благодарилъ Императора и еще разъ излагалъ ему свои мысли относительно создаваемаго для него положенія, было его послѣднимъ письмомъ къ августѣйшему брату. На другой день послѣ отправленія этого письма, въ ночь съ 14 на 15 іюня (ст. ст.) 1831 г. цесаревичъ заболѣлъ холерой и въ тотъ же день, въ 7^{1/4} часовъ вечера, скончался.

Княгиня Ловичъ увѣдомила Государя о случившемся печальномъ событіи краткимъ письмомъ:

„Мой братъ, Вы будете очень несчастны, потому что несчастная, а одно лишь обстоятельство въ мірѣ могло сдѣлать меня несчастной. Въ четыре часа онъ заболѣлъ, а въ восемь вечера!.. О, мой Боже, сжаьтесь надъ нами, надъ императоромъ, надо мною, надъ нами. Мой братъ, каковы будутъ Ваши приказанія относительно его?“

Въ послѣдній моментъ судьба какъ бы сжалилась надъ Цесаревичемъ: за два дня до кончины, онъ получилъ извѣстіе о первомъ удачномъ для насъ сраженіи,—о побѣдѣ, одержанной 7 іюня нашими войсками подъ Вильно, надъ отрядами Гелгуда и Хлаповскаго, которые вынуждены были уйти въ прусскіе предѣлы. Въ этомъ сраженіи отличились войска польской гвардіи, составлявшія предметъ такой нѣжной заботливости Великаго Князя.

Поздравляя Императора съ побѣдой его бывшихъ войскъ, Цесаревичъ писалъ:

„Благодареніе Богу, что Онъ благословилъ, по своей неизреченной милости, оружіе этихъ храбрыхъ и превосходныхъ людей, которые мнѣ дороже моей собственной жизни, послѣ той преданности и вѣрности, которая они выказали мнѣ на дѣлѣ, хотя я и не имѣлъ счастья раздѣлить въ этотъ день вмѣстѣ съ ними опасность“.

В. Тимошукъ.